

А.В. МИХАЛЕВ*

БОГ ВОЙНЫ, ИЛИ ПАМЯТЬ О «ЧЕРНОМ БАРОНЕ» В ПРАВОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. После распада Советского Союза начался процесс оформления правых идеологий в России, в ходе которого стали востребованы материалы исторической науки, способные легитимировать данные идеологии. Начался процесс формирования новых политических мифологий. Барон Роман фон Унгерн-Штернберг (1886–1921) стал одной из ключевых фигур подобного мифотворчества. В постсоветский период были предприняты попытки построения вокруг его образа идеологий как евразийской, так и крайне правой ориентации. Политические лидеры самых разных взглядов апеллируют к мифам о бароне Унгерне. Эти мифы в политической памяти в современной России создаются профессиональными историками, публицистами, а также экспертами по эзотерике и мистике. Основная цель этой статьи – рассмотреть механизм формирования образа «нового героя Евразии» на примере канонической биографии барона Унгерна.

Ключевые слова: историческая память; политика; миф; идеология; коммеморация.

Для цитирования: Михалев А.В. Бог войны, или Память о «черном бароне» в правом дискурсе современной России // Политическая наука. – М., 2018. – № 3. – С. 157–178. – DOI: 10.31249/poln/2018.03.07

* **Михалев Алексей Викторович**, доктор политических наук, директор Центра изучения политических трансформаций ФГБОУ ВО Бурятский госуниверситет (Улан-Удэ, Россия), e-mail: mihalew80@mail.ru

Mikhalev Alexey, Centre of political transformation studies in Buryat State University (Ulan-Ude, Russia), e-mail: mihalew80@mail.ru

© Михалев А.В.

DOI: 10.31249/poln/2018.03.07

A.V. Mikhalev
God of War or the memory of the «Black baron»
in the right discourse of contemporary Russia

Abstract. After the collapse of the USSR, the process of formation a number of conservative and right-wing ideologies began. All of them borrowed plots from historical science to legitimize them. New political mythologies were being formed. Baron Roman Ungern von Sternberg (1886–1921) became a key figure of this mythmaking. For this period, the attempts to construct ideologies both of the Eurasian and the extreme right orientation were undertaken around him and his ideas. Political leaders of the very different directions often appeal to myths on Baron Ungern. This myth in the political memory of the contemporary Russia is created by professional scientists – historians, publicists as well as by experts in esotericism and mystics. The main objective of this article is to consider a mechanism of formation the image of a «new hero of Eurasia» on the example of creating Baron Ungern’s canonical life profile.

Keywords: historical memory; politics; myth; ideolog; commemoration.

For citation: Mikhalev A.V. God of War or the memory of the «Black baron» in the right discourse of contemporary Russia // Political science (RU). – М., 2018. – N 3. – P. 157–178. – DOI: 10.31249/poln/2018.03.07

Правый дискурс в постсоветской России тесно связывается с определяющей его содержание исторической памятью о знаковых фигурах. С 1990-х годов формируется пантеон героев, вокруг которых начинает функционировать политически ангажированная коммеморация. Прошлое стало превращаться в символический ресурс для политиков и общественных активистов [Малинова, 2017, с. 7]. Сформированное в советский период на уровне массовой культуры негативное отношение к империи и империализму к 2000-м годам становится все менее актуальным и отступает на второй план. Этот процесс начинался с публичной реабилитации лидеров Белого движения, что привело к их последующей мифологизации. Ключевой фигурой этого мифотворчества стал один из лидеров Белого движения в Забайкалье и Монголии – барон Роман фон Унгерн-Штернберг (1886–1921). В последние два десятилетия вокруг его образа, созданного в культуре и СМИ, строятся идеологии как евразийской, так и крайне правой ориентации. При этом, служа образцом героя для самых разных современных течений политической мысли, сам Роман фон Унгерн-Штернберг придерживался монархических взглядов, но какой-либо четкой идеологии не формулировал.

Сегодня из «героев империи» в той или иной степени сакрализованы лишь Николай II, его семья и барон Унгерн, причем последний еще при жизни. Глава буддистской церкви Монголии VIII Богдо-гэгэн признал Унгерна перерождением одного из буддийских божеств. Память о бароне Унгерне вышла за рамки обычной политизации памяти о Гражданской войне в России. По уровню мифологизации персона Унгерна сравнима лишь с фигурой Чапаева (что нашло отражение в романе В.О. Пелевина). По нашему предположению, причину этому нужно искать в том, что культ Унгерна, в отличие от А.В. Колчака или П.Н. Краснова, возник еще в 1930-е годы в нацистской Германии. Современные империалисты и ультраправые воспроизводят прежние идеологические шаблоны и мифы в новых контекстах, поэтому особое значение приобретает то, каким образом создаются эти самые исторические мифы и какие исторические персонажи становятся значимыми.

Из всех лидеров Белого движения барон Роман фон Унгерн-Штернберг стал значимой фигурой не только в современной России и Германии 1930–1940-х годов, но и в Монголии. Память об Унгерне консолидирует различные политические силы. Автор данной статьи встречал среди правой атрибутики футболки с изображением барона и девизом «Nescit occasum». Среди арт-объектов можно увидеть и неканонические буддистские танки с изображением Унгерна в качестве докшита (защитника веры).

Данная работа следует исследовательской традиции изучения образа героя в контексте исторической памяти. Говоря о конкретных исследованиях, касающихся образов героев Внутренней Азии, нужно упомянуть следующие работы: К. Каплонски – о формировании пантеона героев монгольского национализма [Karlonski, 2004], С.Л. Кузьмина – подробный анализ биографии барона Унгерна [Кузьмин, 2011], И.О. Пешкова – об исторической памяти в условиях азиатского фронта [Пешков, 2010], К. Хамфри – об исторической памяти и Сталине в буддистской эсхатологии [Хамфри, 2010]. Важное место в данном обзоре занимает книга У. Сандерленда «Плащ барона. История Российской империи в войне и революции» [Sunderland, 2014], вызвавшая активное обсуждение в академических кругах. Это попытка исторической реконструкции событий, связанных с бароном Унгерном, а также контекста, в котором они происходили. Рецензии на книгу вышли в

целом ряде изданий: *Ab imperio*, *Восток / Oriens*, *Foreign affairs* и др. Сандерленд акцентирует внимание на плаще барона как на атрибуте имперской гетеротопии и отсылает к метафоре «восточного ковра» [Sunderland, 2014]. Большое внимание уделено реконструкции взглядов барона на основе дискурса желтой опасности и критике социализма Г. Лебона. В числе положительных сторон работы хотелось бы отметить качественно проделанную реконструкцию, но при этом данная книга, на наш взгляд, внесла свой вклад в поддержание культа памяти барона.

Эмпирическая база исследования опирается на массив материалов о бароне Унгерне за период с 1991 по 2017 г. как научного, так и художественного характера. В выборку вошли тексты (художественная литература, публицистика, поэзия), художественные фильмы, а также музыка. В качестве дополнительных материалов использованы российские и зарубежные публикации об Унгерне 1920–1930-х годов. В данном исследовании предлагается классификация и систематизация перечисленных материалов на основе содержащихся в них политических смыслов.

В представленной работе тестируется гипотеза о том, что политические смыслы, содержащиеся в мемориальных нарративах о «даурском бароне», ориентированы на целевую аудиторию, именующую себя «имперцами», «монархистами», «фашистами» и «евразийцами», так или иначе разделяющую правые политические ценности. Цель работы – рассмотреть практики исторического мифотворчества, стремящегося адаптировать память о бароне Унгерне к политическим течениям правого толка современной России.

В методологическом плане, изучая историческую политику, мы опираемся на работы А. Ассман [Ассман, 2014]. Наиболее значим для нас предложенный ею концепт «политической памяти». Под политической памятью понимается ситуация, когда история выступает инструментом формирования идентичности и к ней апеллируют политики [там же, с. 35]. Политическая память отдает предпочтение коллективным формам усвоения [там же, с. 58]. Не менее значима для анализа динамики политической памяти об Унгерне работа П. Хаттона [Хаттон, 2004]. Предлагаемый в данной книге обзор развития исследований памяти открыл возможности для систематизации практик коммеморации.

Особенность данного исследования состоит в том, что оно фокусируется на формировании исторического образа эталонного

правого героя. Героика Гражданской войны, а также почти ориенталистская экзотизация персоны Унгерна привлекают к ней внимание со стороны самых различных политических сил. В данной работе мы рассмотрим возникновение истоков канона интерпретации образа Унгерна как «харизматического вождя», а также натурализацию этого образа в современной России. В центре внимания – формирование мифа о вожде, моделей его трансляции, а также связь с относительно маргинальными российскими и зарубежными политическими группировками.

Кто такой Унгерн?

Роман фон Унгерн-Штернберг – один из деятелей Белого движения в России, командир Азиатской конной дивизии. На протяжении длительного времени Унгерн был, по образному выражению Л. Юзефовича, «даурским феодалом» [Юзефович, 1993, с. 37]. В этот период в Забайкалье начинается масштабная партизанская война против белых, вызванная террором и реквизициями. В результате наступления Красной армии и действий партизан белые в Забайкалье были разгромлены. Отступая из Даурии, барон Унгерн вторгся в Монголию в 1920 г., освободил ее столицу Ургу от сил китайских милитаристов. После взятия Урги в городе был устроен еврейский погром. В дальнейшем Унгерн восстановил в Монголии буддистскую теократическую монархию.

Согласно свидетельствам ряда современников барона, теократический правитель Монголии Джебзун-Дамба-хутухта VIII в день интронизации провел ритуал посвящения в тантру, после которого Унгерн получил право считаться докшитом (защитником веры) и воплощением бога войны Джамсарана. Однако один из биографов барона С.Л. Кузьмин, ссылаясь на мнение Богдо-гэгэна IX, ставит факт тантрического посвящения под сомнение [Кузьмин, 2011, с. 381]. При этом в большинстве книг эмигрантов этот факт представляется очевидным. Именно в это время Унгерн начинает использовать свастику в качестве атрибута на своих погонах и плаще. Отношение Унгерна к буддизму, равно как и большая часть его идей, на наш взгляд, является рецепцией взглядов Э.Э. Ухтомского и И.С. Левитова. Популярная в столичных кругах идея Желтороссии – масштабной русской колонии от Байкала до

Тихого океана, опирающейся на смешение «белого и желтого населения» региона [Левитов, 1905, с. 99], – несомненно, была известна Унгерну. Будучи близок к окружению князя Э.Э. Ухтомского, он получил представление об основах буддизма и о ситуации на окраинах Российской империи. Симпатии Унгерна к буддизму также можно объяснить придворной модой на восточный мистицизм. В 1919 г. он вступил в брак с китайской принцессой Цзи, венчание по православному обряду проходило в Харбине.

Осуществив перегруппировку войск и проведя мобилизацию в Монголии, Унгерн предпринял наступление на Сибирь. В 1921 г. был издан приказ № 15, который сегодня считается едва ли не основным программным документом Унгерна. Приказ № 15 о походе на Сибирь написан с опорой на христианскую эсхатологию. Одной из задач приказа была попытка сплотить силы вокруг мифического (реальный уже был расстрелян) великого князя Михаила. Об этом свидетельствуют следующие строки из приказа: «Народами завладел социализм, лживо проповедующий мир, злейший и вечный враг мира на земле, т. к. смысл социализма – борьба. Нужен мир – высший дар Неба. Ждет от нас подвига в борьбе за мир и Тот, о Ком говорит Св. Пророк Даниил (гл. XI), предсказавший жестокое время гибели носителей разврата и нечестия и пришествие дней мира: “И восстанет в то время Михаил, Князь Великий, стоящий за сынов народа Твоего, и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени, но спасутся в это время из народа Твоего все, которые найдены будут записанными в книге. Многие очистятся, убелятся и переплавлены будут в искушении, нечестивые же будут поступать нечестиво, и не уразумеет сего никто из нечестивых, а мудрые уразумеют. Со времени прекращения ежедневной жертвы и поставления мерзости запустения пройдет 1290 дней. Блажен, кто ожидает и достигнет 1330 дней”» [Барон Унгерн, 2004, с. 172–173].

В ходе ряда сражений войска Унгерна были разбиты. В результате заговора своих офицеров он был выдан большевикам, осужден и расстрелян в Новониколаевске (Новосибирск).

Готический герой и канон памяти

Современная модель исторической памяти о бароне Унгерне берет свое начало из эмигрантских текстов, опубликованных в Харбине в 1920–1930-е годы. Различного рода воспоминания, сопровождавшиеся откровенными мистификациями, издавались как бывшими офицерами Азиатской конной дивизии, так и литераторами. В плане формирования канона, который некритично был заимствован историками 1990-х годов, ключевое значение имеет книга А.Ф. Оссендовского 1922 г. [Барон Унгерн, 2004, с. 559–580]. Ее принято относить к жанру беллетристики, однако начиная с 1990-х годов ни одно исследование, посвященное Унгерну или Азиатской конной дивизии, не обходится без ссылок на нее. Наряду с «Балладой о Даурском бароне» А. Несмелова (1928) книга А. Оссендовского сформировала особый жанр, который можно назвать «даурской готикой». Даурская готика – это романтическое течение в искусстве, для которого характерны готическая атмосфера и сюжеты о войне, связанной с «древними» мистериями Внутренней Азии. События обычно происходят в начале XX в., а ключевыми протагонистами выступают как реальные исторические личности (Роман фон Унгерн-Штернберг, Чжа-лама), так и вымышленные герои и йогины. Территориально события локализуются в Забайкалье (Даурии) и граничащей с ним Монголии.

Мистификатор А.Ф. Оссендовский, описывая быт Азиатской конной дивизии, писал: «Вот так жил этот лагерь мучеников-беженцев, теснимых событиями к неизбежной встрече со Смертью и подгоняемых ненавистью и презрением этого потомка тевтонцев и пиратов [Унгерн. – *Прим. А. М.*]. А он, ведущий их на заклание, не знал покоя ни днем, ни ночью. Подтачиваемый измучивающими, отравленными мыслями, он испытывал титанические муки, зная, что каждый день в укорачивающейся цепи из ста тридцати звеньев подводит его все ближе к пропасти по имени Смерть» [там же, 2004, с. 559–580]. В данном абзаце нашли отражение распространенный беллетристами миф о предсказании того, что «Богу войны суждено сто тридцать шагов», а также предание о Великом Неизвестном. Это предание отчасти заимствованно из «тайной доктрины» Е.П. Блаватской. Дополняя сказанное, целесообразно привести мнение другого очевидца событий 1921 г. в Монголии – этнографа Д.П. Першина: «От барона веяло Средневековьем, и в

нем чувствовался атавизм, наследованный им от далеких предков рыцарей-крестоносцев: та же жажда, как и у них, боевой жизни, и, пожалуй, та же вера в сверхъестественное, потустороннее... Он был суверен, ему всегда сопутствовали, даже в походе, ламы-ворожеи, гадалщики. И на этой слабой струнке играли многие, в том числе называли некоего Оссендовского, написавшего книгу, “небылицу в лицах” или “Люди, боги, звери”» [Першин, 1999, с. 109].

В центре внимания произведений данного стиля «мрачная» природа Даурии, на фоне которой разворачиваются наполненные мистицизмом кровавые события Гражданской войны. Эталонное произведение, из которого можно заимствовать наиболее релевантные примеры, – «Баллада о Даурском бароне» А. Несмелова:

И шорохам ночи бессонной внимая,
Он призраку гибели выплюнул:
Прочь!
И каркала вороном –
Глухонемая,
Упавшая сзади,
Даурская ночь.

Большая часть произведений об Унгерне первых двух послереволюционных десятилетий написана профессиональными пропагандистами. А.Ф. Оссендовский до революции работал в газете Б.А. Суворина «Новое время», после революции 1917 г. был одним из авторов «документов Сиссона», обличавших большевиков в связях с германской разведкой. А.И. Несмелов (Митропольский) – офицер, участник Великого сибирского ледяного похода. С 1941 г. он стал сотрудником четвертого отдела Японской военной миссии, работал на курсах пропагандистов, читал предмет «литературно-художественная агитация». Опираясь на литературные приемы, характерные для эпохи романтизма, именно эти авторы положили начало мифу о «Боге войны». А.И. Несмелов сделал попытку натурализовать миф об Унгерне, заявляя о его популярности среди монголов.

Я слышал:
В монгольских унылых улусах,
Ребенка качая при дымном огне,
Раскосая женщина в кольцах и бусах
Поет о бароне на черном коне...

И будто бы в дни,
Когда в яростной злобе
Шевелится буря в горячем песке, –
Огромный,
Он мчит над пустынею Гоби,
И ворон сидит у него на плече.

В дальнейшем свое развитие культ Унгерна получил в Третьем рейхе, пропагандистская машина которого сформировала его образ как первого вождя нового типа, первого фашиста. В содержательном плане наиболее полно характеризует фашистский культ Унгерна текст Ю. Эволы «Унгерн-Штернберг, кровавый барон».

Говоря о готическом нарративе, повествующем об Унгерне как о типичном герое этого жанра, нужно сказать, что барон немало сделал для его возникновения через общение с журналистами и немногочисленную личную переписку. Формирование личного мифа было для него важной частью политической деятельности. Заявляя об амбициях создать Азиатскую империю, Унгерн говорил о себе как о потомке Аттилы. Все это впоследствии нашло отражение как в книгах современников, так в гиперболической форме у авторов XXI в. Однако нужно отметить, что не вся эмигрантская литература рассматривала Унгерна как эпического героя, существует большое количество книг, авторы которых критически оценивают его личность и политические проекты.

Что же касается советской исторической науки, то на протяжении почти 70 лет она руководствовалась оценками, заложенными еще Е.М. Ярославским в брошюре 1922 г. [Барон Унгерн, 2004, с. 555–557]. Устойчивые шаблоны «японского шпиона» и «сумасшедшего реакционера» воспроизводились достаточно стабильно [Михалев, 2006]. Книга Б.Д. Цибикова «Разгром унгерновщины» 1947 г. была одним из первых советских трудов, посвященных этому эпизоду Гражданской войны [Цибилов, 1947]. В целом же ему уделялось достаточно мало внимания (исключение см.: [Кислов, 1964]), в результате чего интерес к данной теме превышал

имевшийся достаточно отрывочный материал, представлявший собой разделы в комплексных работах по новейшей истории Монгольской Народной Республики.

Как создавался миф?

С конца 1980-х годов интерес к Унгерну среди самых различных представителей общественно-политической сферы стал стремительно возрастать. В 1993 г. вышла в свет первая системная работа Л. Юзефовича «Самодержец пустыни» [Юзефович, 1993], к 2018 г. она выдержала несколько переизданий и редакций, в том числе в серии «ЖЗЛ». Жанр книги был определен как «документальный роман» – это позволило сделать его востребованным как в политической, так и в академической среде. Это одна из первых книг об Унгерне постсоветского периода, воспроизводящая жанр «даурской готики» 1920-х годов. Главы книги «Тень Чингисхана», «Пир трупоедов», «Пропавшая дивизия», «Град Обреченный» [там же], а также неkritичное принятие целого ряда легенд – все это дает основания для отнесения книги к указанному жанру. Книга Л. Юзефовича, не имея четкого политического подтекста, положила начало пересмотру исторических оценок личности барона Унгерна и в то же время объективной оценке совершенных военных преступлений.

В 2003 г. вышли две книги отечественных историков, посвященные Унгерну. Одна из них – монография известного российского ученого-востоковеда Е.А. Белова «Барон Унгерн: Биография, идеология и военные походы. 1920–1921 гг.» [Белов, 2003]. Автор этой книги попытался сделать научный анализ событий 1920-х годов в Забайкалье и Монголии и определить роль барона Унгерна в них. Книга вызвала большой общественный резонанс, получила высокую оценку на правом интернет-ресурсе «Правые мысли». Другая значимая книга – работа И.И. Ломакиной «Грозные Махакалы Востока», посвященная Чжа-ламе и Унгерну [Ломакина, 2003]. Книга содержит подробные сведения как о событиях Гражданской войны, так и о роли в них буддийской мистики. На наш взгляд, по обилию описаний религиозных ритуалов и насилия книгу также можно отнести к документальному роману в жанре готики.

В условиях распада СССР Унгерн рассматривался правыми идеологами как харизматичный вождь и собиратель Евразийской империи. Широкое распространение евразийской идеологии послужило основой для переоценки личности Унгерна. Его достаточно бессистемные радикальные высказывания, наиболее близкие к теории И.С. Левитова, стали интерпретироваться через призму евразийства. Так, великий князь Владимир Кириллович Романов, развивая данные идеи, писал в 1990-е годы: «Течение это незаслуженно предано забвению, между тем как многое в идеях Вернадского и князя Трубецкого, Зелинского и Савицкого, Карсавина, Иванова, барона Унгерна удивительно актуально именно сегодня. Я имею в виду прежде всего идеи о том, что исторические судьбы России неотделимы от судеб Азии, Евразийского Севера, Турана и, следовательно, тюркских народов. Российская империя могла бы стать, но не стала евразийской...» [Нартов, 2007, с. 138–139]. В текстах А.Г. Дугина барон-кшатрий Унгерн – это предвестник «Десятого Аватара, Мстителя-Триумфатора-Грозного Судии», избранный и жертвенный герой, «хан по предопределению» [Дугин, 1999]. В работе «Священные монстры» лидер национал-большевиков Эдуард Лимонов пишет: «В Берлине были обнаружены, после битвы за Берлин и взятия его советскими войсками, около тысячи трупов людей тибетской расы, одетых в немецкую военную форму, известно, что “Аненэрбе” – общество, специальная служба, занимавшаяся изучением германской истории, организовало многочисленные экспедиции в Тибет. Если вспомнить, что последнее направление прорыва разгромленной “Дикой дивизии” был Тибет, туда хотел вести через пустыню Гоби своих людей Унгерн, то понятно, что без влияния Унгерна на “Аненэрбе” не обошлось» [Лимонов, 2004].

В 2004 г. под редакцией С.Л. Кузьмина выходит большой сборник документов «Барон Унгерн в документах и мемуарах» [Барон Унгерн, 2004]. Книга представляет собой 661 страницу исторических источников о деятельности одного человека – на сегодня это наиболее полное собрание материалов об Унгерне. В 2011 г. С.Л. Кузьмин подготовил фундаментальную работу «История барона Унгерна: Опыт исторической реконструкции» [Кузьмин, 2011]. Для примера, первый том «Истории Гражданской войны в СССР» (1938 г. издания) составлял 303 страницы, в то время как две книги С.Л. Кузьмина в общей сложности составляют

1300 страниц (по совокупному объему это равно первым трем томам «Истории Гражданской войны в СССР»).

В дальнейшем интерес к Унгерну продолжил расти: в России были опубликованы работы белых эмигрантов, а также западная публицистика 1920-х годов. Культ Унгерна как харизматического вождя, созданный в фашистской Германии, получил рецепцию в постсоветской России. На смену шаблонным оценкам советского периода пришли клише, заимствованные в Третьем рейхе. В большей степени они нашли отражение в музыке стиля RAC, в изобразительном искусстве, а также многочисленных романах об Унгерне. При этом необходимо разграничить неонацистский и евразийский культы Унгерна, последний наиболее массовый. Характеризуя место «черного барона» в музыке стиля RAC, целесообразно привести цитату из «постапокалиптической песни» группы ГУЛАГ: «Гитлер такой же, как Унгерн, Унгерн такой же, как вождь». Отдельно необходимо отметить неполитизированную музыку. Например, в тексте песни, исполняемой О. Кочубей, также воспроизводится набор мифов, созданных еще А.Ф. Оссендовским и А.И. Несмеловым:

У барона камень в груди
Сердцем стучит, болью болит.
Над бароном ворон летит –
Что впереди мрачно глядит.
А в степи валяются псы,
Взгляды пусты, ноги босы.
Бог Войны не видит их лиц,
Мертвых глазниц,
Рухнувших ниц.
Заметает Ветер Побед
Призрачный след
В грозный Тибет.

Что же касается художественной литературы об Унгерне, основная ее масса, начиная с 1990-х годов, выполнена в жанре готического романа. По последним данным, подобных книг насчитывается более двух десятков. В романтическом контексте в отношении к Унгерну употребляются эпитеты «Белый рыцарь Тибета», «Черный барон», «Бессмертный бог войны», «Даурский

крестоносец», «Унгерн-хан». Большое количество подобных книг удовлетворяет самые разнообразные запросы читателей как ориентирующихся на евразийские ценности, так и на откровенно нацистские и империалистические.

К началу XXI в. обилие различного рода и качества текстов об Унгерне привело к возникновению исторического культа, прежде всего в крайне правых кругах. Фактически на дискурсивном уровне создан отечественный эталонный универсальный правый лидер. Именно в силу отсутствия у реального прототипа какой-либо четко оформленной идеологии на современном этапе он интерпретируется как универсальный «герой империи».

Ритуализация памяти

Ритуальные практики, связанные с фигурой Унгерна как универсального харизматического вождя имперского толка, объединяют вокруг себя самый широкий спектр правых и близких к ним политических групп как в России, так и за рубежом. Почти сто лет усилий различного рода интеллектуалов сформировали не только канон [Асман, 2004, с. 123] политической памяти, но и острую потребность в ритуалах, необходимых для поддержания идентичности. Евразийцы, монархисты и фашисты – таков спектр политических сил, заинтересованных в проведении мемориальных ритуалов. Ритуальные инсценировки создают систему переживаний, определяющих преемственность и соотнесение той или иной группы с событиями прошлого. Так, в 2014 г. в день города в столице Монголии на центральной площади имени Сухэ-Батора была поставлена инсценировка торжественного вхождения Унгерна в город. Стилизованное представление с фланкировкой казачьими шашками и флагом с монограммой Михаила II символизировало освобождение Монголии от китайских милитаристов.

Ритуализация памяти об Унгерне в России началась в 2010-е годы – к этому моменту накопилось достаточное количество романов, стихов, песен и фильмов. Культ героя тесно связан с ритуалами, особенно если речь идет о героях войны. Представители российских консервативных организаций в это время обсуждали перспективу открытия памятника барону в Улан-Баторе, инициированную местными ультраправыми. В 2016 г. монгольские нео-

нацисты из группировки «Цагаан хасс» («Белая свастика») получили отказ на открытие этого мемориала. В итоге многонациональное сообщество правых и идеологически близких к ним объединений не получило места для отправления ритуалов.

В то же время в 2011 г. в Новосибирске представители Евразийского союза молодежи (ЕСМ) почтили память белого генерала в день его расстрела. Мероприятие проходило на месте бывшей тюрьмы (к 2011 г. она была снесена), где, по легенде, был расстрелян и похоронен Роман фон Унгерн-Штернберг. Тогда же на этом месте была установлена памятная табличка. В 2012 г. представители ЕСМ повторили мемориальную акцию на этом же месте и возложили цветы. На стене рядом с «местом расстрела» была сделана граффити-надпись: «Здесь был расстрелян барон Унгерн». 29 декабря 2012 г. в Москве возле памятника Льву Толстому перед зданием Академии ВС РФ состоялся митинг ЕСМ памяти барона Унгерна. Участники митинга скандировали лозунги «Унгерн против Урганта!», «Такого как Унгерн!», «Власть – воинам, мысль – философам, виселицы – предателям!». В 2013 г. «акция памяти» повторилась, одним из ее условий было наличие атрибутики белого цвета (по версии организаторов – цвета траура в Азии). Особенностью мероприятия 2013 г. было отношение к Унгерну не просто как к полководцу, а как к «Белому Богу Войны».

Хотя большинство авторов, создавших миф об Унгерне, пишут, что после его смерти Богда-гэгэн VIII повелел во всех буддистских храмах Монголии провести службы, сегодня не зафиксировано ни одного буддистского обряда памяти Унгерна. Во многом это связано с тем, что современная буддистская церковь (школы гелугпа) отрицает возможность принятия военных преступлений барона как совершенных во благо дхармы.

15 сентября 2011 г. память Унгерна почтили члены Имперского казачьего союза (объединения казаков-монархистов). Они провели полевой выход с элементами выживания в походных условиях. Мероприятие началось с богослужения чтением поминальной молитвы о всех белых воинах. Акция проходила на территории Восточной Украины (район Харькова).

В 2015 г. в Монголии на территории сомона Баянхангай – недалеко от места боев Азиатской конной дивизии с частями китайской армии – был открыт музей барона Унгерна. На территории сомона найдены многочисленные артефакты, свидетельствующие

об ожесточенных боях в этих местах. На открытии музея присутствовали директор и сотрудники Института археологии и истории Академии наук Монголии. В раскопках в сомоне Баянхангай участвовали и российские волонтеры.

По мнению А. Ассман, «Ритуальное выражение скорби и утраты укрепляет чувство преемственности и общности» [Ассман, 2014, с. 117]. Таким образом, мы сталкиваемся с претензиями на преемственность с «делом Унгерна» множества политических групп, каждая из которых исповедует свой культ барона. Унгерн-монархист, Унгерн-евразиец, Унгерн – предвестник фашизма – все эти ипостаси смоделированы с опорой на его многочисленные, зачастую противоречивые высказывания, сделанные в самых различных и стремительно менявшихся политических условиях. Показательна в данной ситуации ритуальная трактовка свастики, использовавшейся в атрибутике Азиатской конной дивизии. В зависимости от политической ориентации свастика трактуется либо как «древний азиатский солярный символ», либо как наглядное подтверждение протофашистских взглядов барона.

Немаловажно для данного исследования, что на территории Даурии (современные Забайкальский край и Бурятия) культ Унгерна так и не сложился. Представители бурятского буддистского духовенства неоднозначно оценивают и факт признания Унгерна одним из докшитов (защитников веры). По нашей версии, причиной этому является другой набор значимых событий Гражданской войны, связанных с возникновением государственности у бурят. Для данного региона более компромиссная фигура – атаман Семенов, особенно в плане конфликта воспоминаний. Однако в 2009 г. в процессе онлайн-голосования в проекте «Великие люди Забайкалья» на финальном этапе кандидатуры Г.М. Семенова и Р.Ф. фон Унгерн-Штернберга были сняты в связи с искусственным увеличением голосов. Проект «Великие люди Забайкалья» был организован на сайте <http://www.persona.zabmedia.ru> при поддержке «Забайкальской медиагруппы», администрации Забайкальского края и государственной телерадиокомпании «Чита».

Заключение

Образ Унгерна как готического героя для правой идеологии начал формироваться в 1920–1930-е годы в Маньчжурии, где впоследствии появилась и одна из первых русских фашистских организаций. Этот образ также был востребован и в Третьем рейхе. Все это оказало влияние на постсоветскую историографию Гражданской войны в Забайкалье. После распада СССР миф об Унгерне наполнился новыми сюжетными линиями, дополнявшими и расширявшими мистификации начала XX в. Это произошло как благодаря многочисленной художественной литературе, так и песенному творчеству. В итоге «легендарный барон» стал идеологически значимой фигурой и для евразийцев, и для фашистов. Притягивая внимание с различных полюсов политического спектра, образ Унгерна из единого целого разделился на множество вариаций, адаптированных к отдельным идеологическим запросам. Соответственно, возникли прежде всего художественные образы «Унгерна-монархиста», «Унгерна-евразийца» и «Унгерна-фашиста». Политическое воображение существенно дополнило каждый из них «вновь открытыми» фактами, корректирующими память о герое в необходимом контексте.

В XXI в. начался процесс ритуализации памяти об Унгерне. При этом речь идет о событиях, изобретенных в 1990-е годы и основанных на заново приписанных значениях и смыслах. Коммеморация как политический акт в данном случае не связана с государством, именно поэтому она носит относительно бессистемный характер. По сей день продолжается изобретение традиции почитания «Белого Бога Войны». Мемориальные презентации носят достаточно маргинальный характер и не имеют поддержки у региональных властей. Однако именно эта специфика способствует межрегиональной консолидации приверженцев культа Унгерна как культа универсального героя.

Для монархистов Унгерн встроен в пантеон белых генералов, его культ сопровождается православными богослужениями и установлением поклонных крестов. Для евразийцев большое значение имеет идея Азиатской империи, а для почитания Унгерна характерны политические акции: митинги и мемориальные караулы. Для большей части фашистов Унгерн – это прообраз вождя, культ которого копируется с аналогов Третьего рейха. Портреты,

скульптуры, музыка РАС в большей степени отвечают запросам националистов и неонацистов. При таком разнообразии возникает закономерный вопрос: откуда такое внимание именно к Унгерну?

Культ героя, находящегося в условиях распада империи и принимающего решение бороться с хаосом, оказался востребован именно в постсоветский период. Поиск мнения историков по актуальным вопросам привел к тому, что возникло стремление соответствовать ожиданиям общества [Миллер, 2009, с. 7]. «Изобретение Унгерна», на наш взгляд, – это процесс, в ходе которого можно проследить переформатирование советского нарратива о Гражданской войне и конструирование новых героев. Современный образ Унгерна – это результат умолчаний советской историографии. В результате этого возник иррациональный, полный мистицизма образ героя контрреволюции.

Здесь же нужно сказать, что подъем национализма в 1990-е годы в постсоциалистической Монголии и его антикитайский вектор актуализировали и в этой стране память о «черном бароне». Это оказало непосредственное влияние на его культ в России, обеспечивая ему международное признание. Таким образом, культ Унгерна интересен тем, что он свободно конвертируется за рубежом, что сравнимо лишь с авторитетом классиков российского марксизма. При этом на территории исторической Даурии популярность Унгерна как героя коллективной памяти сравнительно невелика.

Список литературы

- Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
- Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
- Барон Унгерн в документах и материалах / Под. ред. С.Л. Кузьмина. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2004. – 675 с.
- Белов Е.А. Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920–1921 гг. – М.: Аграф, 2003. – 240 с.
- Дугин А.Г. Абсолютная Родина. Пути Абсолюта. Метафизика благой вести. – М.: Арктогея, 1999. – 345 с.
- Кислов А.Н. Разгром Унгерна. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1964. – 100 с.

- Кузьмин С.Л. История барона Унгерна. Опыт реконструкции. – М.: Изд. научных изданий КМК, 2011. – 659 с.
- Левитов И.С. Желтороссия как буферная колония. – Санкт-Петербург: Типография инж. Г.А. Бернштейна, 1905. – 136 с.
- Лимонов Э.В. Священные Монстры. – М.: Ad Marginem, 2004. – 320 с.
- Ломакина И.И. Грозные Махакалы Востока. – М.: Изд-во Яуза: Изд-во Эксмо, 2003. – 384 с.
- Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: Возможности сравнительного анализа // Политика. – 2017. – Т. 87, № 4. – С. 6–22.
- Миллер А.И. Россия: Власть и история // Pro et contra. – 2009. – Т. 46, № 3/4. – С. 6–23.
- Михалев А.В. Монгольская революция 1921 года в советской и российской историографии. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2006. – 130 с.
- Нартов Н.А. Геополитика: Учебник для вузов. – М.: ЮНИТИ – ДАНА: Единство, 2007. – 544 с.
- Першин Д.П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак. – Самара: Агни, 1999. – 280 с.
- Пешков И.О. Граница на замке постсоветской памяти. Мифологизация фронтальных сообществ на примере русских Трехречья // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. – Иркутск: Оттиск, 2010. – С. 601–616.
- Сандерлэнд У. Барон Унгерн, «отравленный космополит» // Ab imperio. – Казань, 2005. – № 3. – С. 285–298.
- Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России. – М.: Наталис, 2010. – 384 с.
- Хаттон П. История как искусство памяти. – СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2004. – 423 с.
- Цибиков Б.Д. Разгром унгерновщины. – Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1947. – 160 с.
- Шенк Б.Ф. Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой (1263–2000). – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 619 с.
- Юзефович Л. Самодержец пустыни. Феномен судьбы барона Унгерна. – М.: ЭллисЛак, 1993. – 272 с.
- Kaplonski C. Truth, history and politics in Mongolia. Memory of Heroes. – L.; N.Y.: Routledge Curzon, 2004. – 248 p.
- Sunderland W. The Baron's cloak: A history of the Russian empire in war and revolution. – Ithaca; L.: Cornell univ. press, 2014. – 344 p.